

ГЛАВА V.

По поводу японской войны.

Причины особаго подъема патриотизма при началѣ японской войны.—Кичливая похвальба японцевъ.—Значеніе береговъ Тихаго Океана въ ходѣ русской исторіи.—Необходимость предстоящихъ на насъ натисковъ, по причинѣ свободы разселенія, вдвое большей у насъ, по сравненіи со всѣмъ остальнымъ міромъ.—Большая разность отношенія къ Китаю и Японіи.—Состояніе разныхъ соотношеній и умовъ въ Россіи къ началу 1904 г. также выясняетъ особый и единодушный подъемъ патриотизма.—Мысли о желаемомъ концѣ войны.

Ни противоположность образцово доблестнаго подвига „Варяга“ съ позорнымъ — безъ объявленія войны — первымъ натискомъ японскихъ миноносокъ, ни продолжительность мирнаго затишья, требуемаго рядомъ народившихся внутреннихъ потребностей, при большой военной подготовкѣ, ярче всего видной во всеобщности воинской повинности, ни наступившая съ занятіемъ нами Портъ-Артура особая близость соприкосновенія съ желтой расой, всегда—съ незапамятныхъ временъ Месопотамскихъ Шумиро-Аккадіанъ и съ почти забытаго монгольскаго нашествія—враждебной всѣмъ бѣлолицымъ, ни обаяніе русскаго имени въ Азіи, ни даже внезапность начала жестокой войны на окраинѣ, удаленной болѣе, чѣмъ на восемь тысячъ верстъ отъ сердца Россіи—не объясняютъ въ должной мѣрѣ того общаго подъема сознательнаго патриотизма или долга предъ страной, какой наступилъ въ Россіи съ началомъ японской войны. Уже учителемъ гимназіи (въ Симферополѣ и Одессѣ) видѣлъ я близко порывъ Севастопольской борьбы и хорошо помню энтузіазмъ болгарской освободительной войны, не говоря уже о войнахъ кавказскихъ, среднеазіатскихъ и китайской, теперь же вижу что-то гораздо болѣе сознательное и твердое, болѣе рѣшительное и длительное, имѣющее по всей видимости, значеніе историческое. Такъ полагаютъ и многіе мои старые

друзья. И невольно хочется писать въ отвѣтъ на неизбежный вопросъ: отчего же зависить такой подъемъ? Въ моемъ отвѣтѣ можетъ сказаться часть моихъ завѣтныхъ мыслей въ наиболѣе ясной формѣ, а потому уже теперь (хотя рановато) рѣшаюсь говорить, какъ диктуется мнѣ разумъ и опытность, сперва о внѣшнихъ, а потомъ о внутреннихъ причинахъ, опредѣляющихъ повышенное противу нормы отношеніе Россіи къ начавшейся войнѣ.

Въ чемъ другомъ, только не въ самообожаніи можно упрекать русскихъ людей, умѣющихъ уживаться и даже сливаться со всякими другими. Это насъ сильно отличаетъ не только отъ китайцевъ, достоинствамъ которыхъ должно отдать многое, но и отъ англичанъ, гордящихся — не безъ правильныхъ основаній — своимъ первенствомъ во всемъ передовомъ міровомъ значеніи, не говоря ужъ о евреяхъ, считающихъ себя единственнымъ народомъ Божьимъ и за эту гордыню лишенныхъ всѣхъ благъ независимаго государственнаго преуспѣянія. Законную степень народной гордости, составляющую принадлежность любви къ отечеству ¹⁾, должно

¹⁾ Любовь къ отечеству или патріотизмъ, какъ вѣроятно небезызвѣстно читателямъ, нѣкоторые изъ современныхъ ученій крайнихъ индивидуалистовъ уже стараются представить въ худомъ видѣ, говоря, что се пора замѣнить совокупностью общей любви ко всему человечеству съ участіемъ въ дѣлахъ узкаго кружка лицъ, образующихъ общину (коммуну), городъ или вообще физически обособленную группу. Такое, очевидно педомысленное, ученіе приписываетъ патріотизму многія худыя явленія общественности и похваляется тѣмъ, что къ этому клонится уже всеобщее сознаніе, а въ будущемъ перейдетъ будто бы все человечество. Жизнь такого ученія становится, на мой взглядъ, ясною не столько со стороны однихъ важныхъ историческихъ услугъ, скопленія народовъ въ крупныя государственныя единицы, вызывающія самое происхожденіе патріотизма, сколько со стороны того, что ни въ какомъ будущемъ нельзя представить сліянія материковъ и странъ, уничтоженія различій по расамъ, языку, вѣрованіямъ, правленіямъ и убѣжденіямъ, а различія всякаго рода составляютъ главнѣйшую причину сопернованія и прогресса, не упоминая уже о томъ, что внутреннее чувство ясно говоритъ, что любовь къ отечеству составляетъ одно изъ возвышеннѣйшихъ отличій развитого, общежитнаго состоянія людей отъ ихъ первоначальнаго, дикаго или полу-животнаго состоянія. Для народовъ, подобныхъ русскому, сложившихся и окрѣпшихъ еще сравнительно недавно и еще занятыхъ своимъ устройствомъ, то-есть еще молодыхъ, дикость ученія о предѣ патріотизма до того очевидна, что не слѣдовало бы объ немъ даже упоминать, и если я дѣлаю это,

глубоко отличить отъ кичливаго самообожанія; одно есть добродѣтель, а другое порокъ или зло, задерживающее движеніе прогресса, требующаго, по моему крайнему разумѣнію, прежде всего признанія принципиальнаго равенства народовъ, безъ котораго немыслимо правильное приближеніе къ идеальному сочетанію личныхъ: „свободы, равенства и братства“. Несомнѣнно, что между китайцами, англичанами и свреями, какъ простыми, такъ и просвѣщеннѣйшими, есть не мало отдѣльныхъ лицъ, думающихъ подобнымъ образомъ, какъ есть между русскими узкіе самообожатели своей страны, но въ большихъ массахъ, въ тѣхъ, которыя привыкли называть народомъ, отдѣльные изъ нихъ характеризуются довольно ясно степенью развитія порока самообожанія, а въ насъ русскихъ, при всѣхъ другихъ нашихъ недостаткахъ, этотъ развитъ очень слабо. Съ туркой и ламаитомъ, какъ съ нѣмцемъ и англичаниномъ, мы готовы дружить и дѣлиться и отыскивать у нихъ свои особые достоинства, если только они того захотятъ и готовы протянуть къ намъ руку, такъ же охотно, какъ протянули французы, долго съ нами враждовавшие. Такова ужъ наша покладистая природа, не терпящая похвалы самообожанія и рвущаяся обнять весь міръ. Въ насъ возмущается завѣтное, живое, хотя и совершенно безсознательное чувство, когда предъ нами чѣмъ либо кичатся даже въ частной жизни, а въ государственной, выражающей (хоть и не всегда) такъ или иначе равнодѣйствующую общенародныхъ ощущеній, и подавно. И вотъ, рядомъ съ самообожаящей похвалой англичанъ да нѣмцевъ, выступили недавно японцы и ну насъ корить всѣми нашими недостатками и похваляться своими прирожденными, а особенно вновь прибрѣтенными достоинствами, начиная съ того, что они де лѣтъ въ тридцать приблизились къ современному совершенству, начиная съ парламентаризма, больше, чѣмъ мы успѣли въ два столѣтія, а потому стали похваляться и въ правду вѣрить, что они насъ побьютъ, хотя ихъ всего около сорока пяти милліоновъ, а у насъ около ста сорока. Хвастливой похвалы не мало слышали мы ранѣе, но шла она съ

то нѣмъ въ виду лишь тѣхъ еще не переводящихся соотечественниковъ, про которыхъ написано: „что книжка послѣдняя скажетъ, то сверху и ляжетъ“; прибавлю однако, что—лечь то ляжетъ, но улежится недолго.

запада, отъ нашихъ дѣйствительныхъ учителей, къ ней мы привыкли, а тутъ не изъ тучи громъ расшевелилъ наши просонки. Успѣхъ внезапнаго коварства, хвастливость этимъ передъ евронеицами и азіатами, притворяющимися сочувствующими японцамъ, наша видимая неподготовка и нѣкоторая темнота всѣхъ исходныхъ событій, играютъ не малую роль въ разгарѣ того чувства, съ какимъ Россія отнеслась къ натиску японцевъ, въ сущности ничего на выигравшихъ своими почти оригинальными приѣмами. Поступи такъ съ нами какой угодно другой народъ, на какой бы то ни было грани Россіи, былъ бы общій подъемъ духа, похожій на случившійся, но и то едва-ли въ такомъ размѣрѣ, конечно за однимъ, совершенно однако для меня нынѣ не мыслимымъ исключеніемъ, столь же внезапнаго и коварнаго нападенія, да съ лживой похвалой со стороны ближайшихъ западныхъ нашихъ сосѣдей, съ которыми, благодаря Бога, никакихъ столкновеній, кромѣ тарифныхъ, нынче не предвидится, и даже, на радость нашему благодушію, какъ будто бы наирашиваются сближенія. Разность отношенія зависитъ отъ многихъ причинъ, причисляемыхъ мною къ внѣшнимъ, хотя все же стихійнымъ или едва-едва сознаваемымъ.

Между ними видное мѣсто занимаетъ положеніе театра войны на Великомъ или Тихомъ океанѣ, который, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ станетъ больше другихъ бурлить отъ бомбъ броненосцевъ и крейсеровъ, да отъ минъ всякаго фасона. Въ старыхъ нашихъ сказкахъ зачастую уже говорилось про море-океанъ, означая тѣмъ инстинктивное стремленіе изъ лѣсовъ и стѣней добраться до свободныхъ теплыхъ морей, а вся сознательная исторія Россіи, особенно со временъ Александра Невскаго и Великаго Петра, явно направилась къ укрѣпленію на морскихъ берегахъ, какъ на мѣстахъ наступившей исторіи человѣчества, которому кромѣ опоры для жилья и почвы для хлѣба насущнаго нужны и взаимныя сношенія, и свобода, и мирный охватъ, выраженные сильнѣе и величавѣе всего свободными морями, преобладающими по величинѣ поверхности надъ сушей, очищающими или омывающими и въ извѣстной мѣрѣ уравнивающими всю землю. Самобытность народнаго сознанія о единствѣ, выражаемомъ государственностью, отлично согласуется не съ тѣмъ нивелирующимъ космополитизмомъ, который

стали проповѣдывать умственные еретики девятнадцатаго вѣка, а съ тѣмъ необходимымъ, даже неизбѣжнымъ, реальнымъ сближеніемъ всѣхъ народовъ, о которомъ, кажется, все сказалъ, что думалъ, уже въ первыхъ главахъ своихъ „Завѣтныхъ мыслей“, и съ тѣмъ идеалистическимъ единствомъ, которое заставляетъ изъ бѣлыхъ, желтыхъ, красныхъ и черныхъ людей — дѣлать одинъ зоологическій видъ (*homo sapiens*) и которое проще всего выражается единствомъ разума или истины, совѣсти и справедливости, недовольствующейся завѣтомъ любви къ „ближнимъ“, а стремящейся распространить ее и на „дальнихъ“, до негровъ, китайцевъ и полинезійцевъ включительно. Центростремительная сила наша однако столь велика (ибо отъ нея мы и стали народомъ историческимъ), что брала не разъ верхъ надъ сказочной центробѣжностью, которая видна даже въ судьбѣ нашихъ занятій Калифорніи, Аляски и Шпицбергена. Дошли мы первѣе всего до входа въ свободные океаны на Бѣломъ морѣ, но тутъ свободу хода сдерживаютъ и до сихъ поръ льды Сѣверно-полярнаго или Ледовитаго Океана ¹⁾, куда

¹⁾ Много бы хотѣлось писать мнѣ про Ледовитый Океанъ, береговъ котораго у насъ столь много, да не время теперь, потому что то дѣло впереди — какъ впереди время настоящей общей надобности осушать болота, засыпать овраги, сдерживать пески и т. п., такъ какъ земли то у насъ пока и безъ этихъ затратъ хватить, и морскіе выходы наши еще далеко не использованы въ должной и легко возможной мѣрѣ. Тѣмъ не менѣе хотя вскользь упомяну о томъ, что въ Ледовитомъ океанѣ будущая Россія должна найти свои пути выхода, и думается мнѣ, что это будетъ навѣрное, когда побережья сибирскихъ рѣкъ густо заселятся и когда для богатства громаднаго края необходимо будетъ морской выходъ. Льды, по существу своему, не страшны. Если пробиваются въ гранитахъ туннели, то проходы во льдахъ, лежащихъ на водѣ, не могутъ задержать, ихъ болѣе или менѣе легко провести средствами современной техники, какъ о томъ выразился уже лѣтъ 10-ть тому назадъ знаменитый нынѣ адмиралъ С. О. Макаровъ. Соглашаясь съ нимъ въ необходимости воспользоваться для этого сильнымъ ледоколомъ, полагаю однако, что полного успѣха въ коммерческомъ обладаніи краткими путями по Ледовитому океану нельзя достигнуть въ нормѣ даже сильнѣйшими ледоколами, хотя бы только въ пору лѣтняго таянія. Подводное плаваніе, на которое нынѣ такъ много стали уповать, по мнѣ подобно воздухоплаванію, даже и въ томъ отношеніи, что, обѣщая не мало для удовлетворенія любознательности, военныхъ цѣлей, почтового и пассажирскаго сообщенія, ничего само по себѣ не обѣщаетъ пока для передачи товаровъ. Но средства бороться съ по-

текутъ воды громаднаго большинства нашихъ рѣкъ. Двинулись затѣмъ внизъ по матушкѣ по Волгѣ, да не нашли выходовъ изъ ямы Каспія ¹⁾, хотя они и были когда то и будутъ искусственно достигнуты въ будущемъ, когда, наполнивъ свои рынки, наши товары пророкутъ соединительные каналы между низовьями Волги и Дона, какъ уже проектировано довольно давно, но почти уже совершенно позабыто въ настоящее время, и когда съ запрудой Керченскаго пролива, какъ рассчиталъ мой покойный сынъ (см. В. Д. Менделѣевъ: Проектъ подня-

лярными льдами найдутся помимо того, болѣе прямые, и я думаю, что теперь же можно было бы рѣшиться достичь полюса — какъ перваго сигнала побѣды надъ льдами — при помощи взрывной силы, свойственной смѣси жидкаго воздуха съ горючими веществами, которою должно и можно снабдить сильнѣйшій ледоколъ, особо для того построенный. Дѣло это не относится до нынѣшней японской войны, но можетъ быть очень и очень важнымъ для будущихъ нашихъ войнъ въ Тихомъ Океанѣ (а они предвидимы), потому что путь чрезъ полюсъ въ Беринговъ проливъ представляется не только кратчайшимъ, но для насъ и болѣе во всѣхъ отношеніяхъ удобнымъ, т. к. мы можемъ проникнуть туда не только съ Бѣлаго моря и Мурманскаго побережья, но и изъ другихъ нашихъ береговъ. Считая давнюю задачу человѣчества — достигнуть сѣвернаго полюса — обезпечивающею при ея рѣшеніи великій и мирный успѣхъ Россіи, а въ тоже время могущею представить прямую коммерческую и военно-морскую выгоду для Россіи по преимуществу, я полагаю, что между множествомъ мирныхъ дѣлъ, предстоящихъ Россіи, ей не слѣдуетъ забыть мирную побѣду надъ полярными льдами и не жалѣть для этого тѣхъ 2 или 3 милліоновъ рублей, съ которыми, по моему мнѣнію, при настоящемъ положеніи вопроса, можно съ увѣренностію достигнуть Сѣвернаго полюса и проникнуть дней въ 10 отъ Мурманскихъ береговъ въ Беринговъ проливъ. Первые попытки этого рода должны служить только для изученія способовъ борьбы взрывчатыми веществами съ ледяными массами. Но я до того убѣжденъ въ успѣхѣ попытокъ, конечно если онѣ будутъ вестись съ должною настойчивостію и полнымъ знаніемъ предмета, уже обследованнаго съ разныхъ сторонъ, что готовъ былъ бы приняться за дѣло, хотя мнѣ уже стукнуло 70 лѣтъ, и желать бы еще дожить до выполненія задачи, представляющей интересъ, захватывающій сразу и науку, и технику, и промышленность, и торговлю, да еще въ приложеніи къ важнымъ преимуществамъ всей Россіи, а особенно Сибири. Судя по всему извѣстному, должно думать, что вся середина Ледовитаго Оксана достаточно глубока для прохода самыхъ большихъ и глубоко сидящихъ кораблей, чего нельзя допустить въ отношеніи всего сѣвернаго побережья Сибири. Трудности почти тѣ же, а путь много короче — прямо чрезъ полюсъ.

¹⁾ Извѣстно, что уровень Каспійскаго моря гораздо ниже уровня океановъ и Чернаго моря.

тія уровня Азовскаго моря запрудю Керченскаго пролива, посмертное изданіе 1899 г.), углубится Азовское море, давая тѣмъ возможность глубоко сидящимъ морскимъ торговымъ кораблямъ входить (безъ перегрузки) въ глубь нашего богатаго юго-востока, а военнымъ нашимъ судамъ безопаснѣйшіе порты. Насталъ за этимъ славный для насъ и для всего міра XVIII вѣкъ, когда мы твердо сѣли у морей Балтійскаго и Чернаго, отгѣснивъ для того тевтонцевъ, шведовъ, татаръ и турокъ, но и тутъ оказались свои преграды въ видѣ узкихъ проливовъ, ведущихъ къ свободнымъ океанамъ, принадлежащихъ сосѣдямъ, а не намъ, и длинныхъ береговъ, уже оживленныхъ всѣми благами жизни на грани свободныхъ водъ, омывающихъ всю землю. И стало намъ казаться, да кажется инымъ и по сей день, что мирными трактатами, да дипломатическими сдѣлками, въ связи съ мирнымъ давленіемъ на владѣтелей Мраморнаго моря, да мѣрами подобными переводу порта изъ Кронштадта въ Либаву, можно обойтись во всемъ Океанскомъ нашемъ стремленіи. Судьба Санъ-Стефанскаго договора и слѣдовавшаго за нимъ Берлинскаго конгресса, а затѣмъ разсужденіе о томъ, что за выходомъ изъ проливовъ встрѣтимъ не друзей, а противниковъ, насъ желающихъ остановить во что бы то ни стало, убѣдили теперь, кажись, всѣхъ, что тутъ и впредь мало будетъ толку, хотя въ идеаль—при всеобщемъ вооруженіи—и стали мелькать лучи Гаагской мирной конференціи, которой, на мой простецкій взглядъ, недостаесть устройства международной полицейской власти, соблюдающей исполненіе приговоровъ международнаго суда, какъ обычная полиція обезпечиваетъ приговоры гражданскихъ и уголовныхъ судовъ. Пока мы по морямъ веземъ народу нужные хлѣба да продукты лѣсовъ и нефти, недостающіе у другихъ, еще мирятся съ этимъ, лишь бы мы сами жили впроголодь, освѣщались скудно и горѣли ежегодно на всѣ барыши нашей внѣшней торговли. Но не объ томъ намъ говорила сказка, когда упоминала о „лукоморьѣ“, о „водахъ ясныхъ“, да о „витязяхъ прекрасныхъ“. Не по насъ темная канитель неясныхъ соглашеній и наши глаза стали искать иного выхода; коль его нѣту здѣсь, поищемъ въ другомъ мѣстѣ.

Вѣдь Атлантическій Океанъ, куда мы съ грѣхомъ пополамъ лѣтомъ попадаемъ чрезъ Финскій заливъ, Балтійское

и Нѣмецкое моря прямо къ берегамъ Великобританіи, очевидно намъ нынѣ не особо дружелюбной (хотя съ ней то намъ лучше было-бы столкнуться для обоюдныхъ выгодъ) или черезъ Черное, Мраморное и Средиземное моря — едва превосходятъ Индѣйскій Океанъ, къ которому для насъ мыслимъ — и то съ великимъ развѣ трудомъ — доступъ только при помощи Персидскаго залива, опять запертаго Ормузскимъ проливомъ. Тихій или Великій Океанъ больше суммы двухъ названныхъ, то есть въ два раза превосходитъ Атлантическій, потому что въ первомъ около 165 милліоновъ квадратныхъ километровъ (безъ заливовъ и морей Японскаго, Охотскаго, Берингова и т. п.) а во второмъ (безъ Средиземнаго, Чернаго и Балтійскаго морей) лишь около 80 милліоновъ кв. километровъ ¹⁾. Сибирскіе казаки дошли и доплыли до береговъ Тихаго Океана немного развѣ послѣ Магеллана, раньше Кука, и первые изъ европейцевъ укрѣпились на берегахъ этого величайшаго океана, хотя и не доставили сколько либо точныхъ о немъ свѣдѣній. Лишь долго потомъ, благодаря Невельскому, Муравьеву и Игнатьеву, подвинулись мы на тѣхъ берегахъ къ югу, то есть къ Ки-

¹⁾ Вся поверхность земнаго шара около 510 милліоновъ кв. километровъ. Изъ нихъ около 375 м. кв. км. покрыто водами (считая и внутреннія моря, подобныя Каспійскому, озера и рѣки) и около 135 м. кв. км. приходится на сушу.

Части водной поверхности:

Атлантическій (съ морями)	около	90 м.	кв. в.
Сѣверный Ледовитый Океанъ	"	14 "	" "
Индѣйскій Океанъ	"	72 "	" "
Тихій (съ морями)	"	175 "	" "
Южный Полярный	"	16 "	" "
Внутреннихъ морей, озеръ и водъ	"	8 "	" "
375 км. кв. в.			

Части суши:

Европа около	9,9 милл.	кв. килом.
Азія	44,3 "	" "
Африка	29,8 "	" "
Америка	39,0 "	" "
Австралія и Полинезія около	9,0 "	" "
Полярныя страны (?)	3,0 "	" "
135 милл. кв. килом.		

Поверхность Россіи около 22 милл. кв. километровъ или 16⁰/₁₀₀, судя по величинѣ поверхности, а по числу жителей въ Россіи 8,6⁰/₁₀₀.

таю и Японіи. Но и тогда, за кучей своихъ болѣе близкихъ, домашнихъ дѣлъ, мало кто у насъ глядѣлъ въ ту сторону, на тѣ берега. Вниманіе наше къ нимъ обратилось только послѣ того, какъ Миротворецъ Александръ III-й, провидѣвшій суть русскихъ и міровыхъ судебъ болѣе и далѣе многихъ своихъ современниковъ, рѣшилъ, что надо всѣми способами покровительствовать развитію всѣхъ видовъ промышленности въ своей странѣ и какъ можно скорѣе, съ двухъ сторонъ, повелѣлъ строить Великую Сибирскую желѣзную дорогу, чтобы связать Россію съ тѣми берегами Тихаго Океана, гдѣ нѣтъ ни полярныхъ льдовъ, ни стѣсняющихъ проливовъ въ чужихъ рукахъ. Туда отправилъ онъ и своего Настѣдника, заложившаго во Владивостокѣ концевую часть пути, а затѣмъ достроившаго и всю его громадную длину. Только неразумное резонерство спрашивало: къ чему эта дорога? а всѣ вдумчивые люди видѣли въ ней великое и чисто русское дѣло, теперь-же, когда путь выполненъ, когда мы крѣпко сѣли на теплое открытое морѣ и всѣ взоры устремлены на него, всѣмъ стало ясно, что дѣло здѣсь идетъ о чемъ-то очень существенномъ, что тутъ выполняется наяву давняя сказка. Къ этому надо прибавить указаніе на всѣмъ извѣстный переломъ хода всѣхъ дѣлъ въ Японіи и отчасти въ Китаѣ, на событія Японо-Китайской войны, бывшей за 9 лѣтъ сему назадъ и конченной Симоносекскимъ договоромъ, подписаннымъ Японією только по настоянію Россіи и ея союзниковъ (за этотъ-то договоръ теперь и хотятъ отомстить намъ японцы), затѣмъ на большой интересъ, обратившійся въ 1900 году на международное „усмиреніе возстанія Большихъ кулаковъ“, кончившееся тѣмъ, что европейцы получили новые льготы въ Имперіи Богдыхана. Но и всего этого еще недостаточно; указанныя событія пріобрѣтаютъ свое правильное освѣщеніе только при сознаніи великаго будущаго на берегахъ Тихаго океана, что выяснилось лишь въ самомъ концѣ XIX-го вѣка и связано съ тѣмъ, что земной шаръ оказался уже вполне охваченнымъ цивилизующимъ вліяніемъ европейскихъ народовъ, ихъ промышленности, организаци и просвѣщенія, а на азіатскихъ побережьяхъ, до тѣхъ поръ полусказочныхъ, куда пришлось теперь устремить всѣ взоры, живетъ вѣдь много больше людей, чѣмъ на берегахъ Средиземнаго, Чернаго и Балтій-

скаго морей и всего Атлантическаго Океана. Тамъ началась ярмарка новой міровой жизни, и впереди виденъ ей разгаръ. Недаромъ Нѣмецкій Императоръ пишетъ картину, указывающую на тѣ народы Дальнаго Востока, не даромъ и чуткій мой покойный другъ В. С. Соловьевъ сталъ проповѣдывать о возможности покоренія Европы массами сыновъ желтой расы. Хотя мнѣ и кажутся напрасными всѣ страхи подобнаго рода, но о нихъ мнѣ слѣдуетъ говорить, чтобы выяснить сознательность того русскаго шиманія, которое за послѣдніе годы обратилось къ нашему Портъ-Артуру, къ Корей и Манчжуріи, чтобы стала понятною одна изъ причинъ особаго подъема русскаго духа при желаніи Японіи войной насъ оттѣснить отъ береговъ Тихаго Океана. Не надо молодому ¹⁾ русскому народу ни картины Нѣмецкаго Императора, ни вдохновенныхъ разсказовъ Соловьева, ни сознанія противоположенія бѣлой расы съ желтою (это, на мой взглядъ, тщедушная попытка резонерства), ни всѣхъ этихъ видовъ на предстоящее торгово-промышленное значеніе Великаго Океана, чтобы сплотиться съ молодымъ пыломъ для защиты всякихъ попытокъ отнять у насъ хоть пядь занятыхъ тамъ—на Тихомъ Океанѣ береговъ, потому что эти берега дѣйствительно свободны и первые даютъ намъ тихій и великій путь къ Океану и тихому и великому, къ осуществленію родной сказки, къ равновѣсію центробѣжной нашей силы съ центростремительной, къ будущей исторіи, которая неизбежно станетъ совершаться на берегахъ и на водахъ Великаго Океана. Инстинктъ молодежи тутъ сошелся съ взвѣшеннымъ сужденіемъ стариковъ. Оттуда и напряженность пыла, вызваннаго Японскою войною.

Къ двумъ указаннымъ выше причинамъ особаго подъема патріотическаго чувства, проявившагося при объявленіи Японской войны, считаю совершенно необходимымъ прибавить еще двѣ другихъ, также внѣшнихъ, а именно: нашу необходи-

¹⁾ Хотя памятникъ имѣемъ мы тысячелѣтія Россіи, а все же по всеобщему сознанію и по внутреннему чутью—народъ мы еще очень и очень молодой, и я радъ, что могъ привести для того численныя доказательства въ главахъ „Народонаселеніе“ и „Внѣшняя торговля“ моихъ „Завѣтныхъ мыслей“, тѣмъ болѣе, что старику мнѣ все еще мелькаютъ порывы молодыхъ лѣтъ.

мость держаться въ готовности войнъ и нашу особенность отношеній къ Японіи.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что русскій народъ, взятый въ цѣломъ, принадлежитъ къ числу мирнѣйшихъ, и его лучше всего уподобляетъ сказка сонливому, доброму молодцу изъ такого то села, больше всего думающаго о своей пашнѣ, умѣющаго выносить „страду“, но не умѣющаго заставлять ее дѣлать для себя другихъ. Вся наша исторія это показываетъ; три четверти нашихъ войнъ были защитными отъ половцевъ, отъ татаръ, отъ тевтонскихъ рыцарей, поляковъ и шведовъ да турокъ, отъ набѣговъ черкесскихъ, киргизскихъ и хивинскихъ, да отъ посягательствъ западныхъ европейцевъ, и если мы послѣ этихъ войнъ часто расширялись, то лишь для того, чтобы оберегать себя отъ дальнѣйшихъ покушеній на наши земли, лишь маленькая часть русскихъ войнъ, вродѣ Суворовской въ Италиі и венгерской, приходится на долю преслѣдованія цѣлей внѣшней политики, а затѣмъ остальная часть русскихъ войнъ велась для освобожденія славянскихъ нашихъ братьевъ. Тотъ путь, которымъ Россія расширилась до громадной современной величины, особенно въ Азіи, опредѣлился больше всего тѣмъ, что почти безъ войнъ дѣлали казаки, присоединяя къ Русской Державѣ земли маленькихъ народовъ, затѣмъ охотно сливавшихся съ Россіей, такъ какъ черезъ это сліяніе ихъ выгоды были, очевидно, большими, чѣмъ для покоряющей Россіи. Какъ бы тамъ ни было, съ Ледовитыми тундрами у насъ скопилось двадцать два милліона квадратныхъ километровъ земли. А такъ какъ въ квадратномъ километрѣ сто гектаровъ (одинъ гектаръ равенъ 0,915 десятины, то есть немногимъ только меньше десятины), то на сто сорокъ милліоновъ русскихъ подданныхъ приходится около 2200 милліоновъ гектаровъ, т. е. примѣрно по шестнадцати гектаровъ (точнѣе—по 15,7 гектара) на душу въ среднемъ, хотя есть русскія губерніи, напр. въ числѣ польскихъ, гдѣ на человѣка въ среднемъ приходится лишь около десятины, и есть края совершенно пустынные, вродѣ сѣверныхъ сибирскихъ тундръ.

Если дѣло идетъ о густотѣ населенія, то оно, конечно, можетъ касаться только крупныхъ единицъ, подобныхъ цѣлой Россіи, потому что внутреннее распредѣленіе жителей по

поверхности государства¹⁾ составляетъ уже дѣло мѣстныхъ порядковъ, не имѣющихъ ничего общаго съ государствами, странами и народами. Въ этомъ отношеніи положеніе Россіи чрезвычайно поучительно, потому что въ ней оказывается вдвое свободнѣе, чѣмъ во всемъ остальномъ мірѣ взятомъ въ цѣломъ, не говоря уже о томъ, что рядомъ съ нами, напр. въ Германіи, приходится лишь одинъ гектаръ на жителя. Вся поверхность суши вмѣстѣ съ необитаемыми тундрами и пустынями, вродѣ австралійскихъ, едва достигаетъ ста тридцати пяти милліоновъ кв. километровъ, и на всей сушѣ живетъ всего около тысячи шестисотъ двадцати милліоновъ людей всѣхъ возрастовъ. Если теперь изъ этого числа жителей исключить сто сорокъ милліоновъ русскихъ подданныхъ, останется всего жителей, кромѣ Россіи, тысяча четыреста восемьдесятъ милліоновъ, а всей земли для нихъ (вычитая изъ тринадцати тысячъ пятьсотъ милліоновъ гектаровъ двѣ тысячи двѣсти м. г.) одиннадцать тысячъ триста милліоновъ гектаровъ, т. е. на каждого приходится около 7,7 гектара земли, слѣдовательно ровно почти вдвое меньше, чѣмъ на каждого русскаго подданнаго въ среднемъ. Многознаменательно это отношеніе, потому что оно показываетъ совершенную исключительность нашего положенія, въ особенности если не принимать во вниманіе удаленныя отъ насъ Африку, Америку и Австралію съ ихъ малою густотою населенія. Многіе ближайшіе наши сосѣди съ востока (Японія), юга (напр. Китай, Балканскій полуостровъ) и запада живутъ тѣснѣе насъ, такъ

¹⁾ Великую пользу для дальнѣйшаго устройства Россіи должно ждать отъ распространенія на всю Имперію, особенно на ея юго-восточныя (Кавказъ, Ташкентъ и т. п.) и Зауральскія части, явныхъ благъ возможно-полнаго (съ планами и обмѣромъ угодій) размѣжеванія всѣхъ земель, соединеннаго съ уничтоженіемъ въ сред. Россіи чернолососцы и съ пересмотромъ правъ на пѣдра. Мѣры эти не громкія, мало видныя, но глубокаго экономическаго значенія, потому что только съ точнаго опредѣленія и обезпеченія земельной собственности можетъ начинаться правильный ростъ общаго благосостоянія, для котораго не страшны необходимыя начальныя затраты въ странѣ природно столь богатой, какъ наша. При предстоящей второй всеобщей переписи слѣдовало бы собрать необходимыя общія свѣдѣнія для возможности приступить къ окончательной и полной переписи всѣхъ земель, оставивъ пока въ сторонѣ развѣ лишь такія тундры, гдѣ нѣтъ ни дѣсовъ, ни хлѣбонашества. Особо важно скорѣйшее размѣжеваніе всего Кавказа.

напр., въ Японіи на сорокъ шесть милліоновъ жителей менѣе сорока двухъ милліоновъ гектаровъ земли, т. е. на каждаго жителя приходится менѣе гектара, т. е. менѣе и того, что въ Германіи. Если мы теперь обратимъ вниманіе на то, что главныя черты исторіи опредѣляются стремленіемъ народовъ заполучить себѣ землю, что за послѣдній вѣкъ выразилось преимущественно въ колониальной политикѣ, то станетъ донельзя очевидно, хотя бы мы приняли во вниманіи и громадность нашихъ безплодныхъ тундръ, что наша земля представляетъ великій соблазнъ для большинства окружающихъ насъ народовъ, т. е. что намъ помимо всякихъ соображеній должно быть готовыми къ отпору противъ аппетитовъ, естественно свойственныхъ всѣмъ людямъ. Конечно мы размножаемся за послѣднее время съ такою быстротою, какой, навѣрное, нѣтъ у нашихъ сосѣдей, т. е. можемъ быстрѣе ихъ увеличивать численность своего народонаселенія, и не подлежитъ сомнѣнію, что многія изъ сѣверныхъ нашихъ земель не составляютъ лакомаго куска ни для кого, но все же намъ нельзя по чувству самосохраненія не принимать въ большое вниманіе указанныхъ выше соображеній. Это значить, что мы должны быть еще долго и долго народомъ, готовымъ каждую минуту къ войнѣ, хотя бы мы сами этого не хотѣли и хотя наши Императоры Александръ III и благополучно царствующій Государь явно и торжественно выразили русское миролюбіе своей инициативой. Хотя мнѣ, какъ русскому, выросшему въ Сибири, гдѣ на чудо всему міру совсѣмъ не было сколько-нибудь замѣтныхъ войнъ, чрезвычайно симпатично стремленіе ко всеобщему миру, о которомъ молится каждый день церковь, но я совершенно ясно понимаю, почему русскій народъ безъ большого довѣрія относится ко всякимъ миролюбивымъ тенденціямъ; ему въ томъ чудится несогласіе съ реальной дѣйствительностью, грозящею именно намъ больше, чѣмъ кому нибудь на свѣтѣ бѣдствіями военного быта. Поэтому то Японская вспышка на Дальнемъ Востокѣ не удивила русскихъ, а такъ сказать заставила ихъ очнуться отъ призраковъ возможности долгаго мира и повторять, что мы ничего другого и впереди не видимъ, какъ войны да войны. Тутъ, по моему мнѣнію, находится одна изъ причинъ, объясняющихъ ту пылкость, съ которой всѣ рванулись къ представившейся войнѣ. Какъ народъ очень реальный, русскіе

не могутъ долго жить самообманомъ и въ своемъ Царѣ прежде всего видятъ своего Державнаго Предводителя русскихъ войскъ, защищающихъ просторъ земли, нужный для скораго умноженія русскаго народонаселенія. Сколько бы намъ ни твердили извнѣ и сколько бы разъ сами мы не чувствовали, что будущность наша много зависитъ отъ качества внутренняго строя жизни, но живой, чисто реальный инстинктъ подсказываетъ намъ при этомъ всегда, что важнѣе то всего оборона страны и организація ея военныхъ силъ. Японская война случилась именно въ то время, когда ребромъ становились въ умѣ русскомъ вопросы этого рода и здоровое народное, русское рѣшеніе нашло свой исходъ по случаю дерзкой войны, объявленной Японіей.

Какъ ни покладишь русскій человѣкъ, какъ онъ ни хочетъ мирно жить со всѣми народами, какъ ни широки открытія его объятія, все же у него къ однимъ народамъ исторически сложилось болѣе дружественное отношеніе, чѣмъ къ другимъ, въ особенности къ тѣмъ, которые его дразнятъ. Для русскаго человѣка совершенно безразлична китайская кичливость, прозывавшая всѣ народы варварами, потому что въ этой кичливости мы участвуемъ рядомъ со всѣми прочими не китайскими народами, и наше добродушіе никогда не оставляло насъ въ сношеніи съ китайцами, мы даже не разъ имъ помогли въ критическихъ положеніяхъ, напр. въ 1859 и въ 1895 годахъ, при внѣшнихъ опасностяхъ и при Тайпингскомъ возстаніи, при внутренней опасности. Едва ли какой другой народъ въ мірѣ отдаетъ столько справедливости, какъ мы китайцамъ. Вѣдь они сумѣли сохранить семейственную благодушность и миролюбивое слѣдованіе за своими мудрецами при всѣхъ историческихъ передрягахъ, съ ними бывшихъ. Другіе народы совсѣмъ исчезли или слились съ пришельцами въ обстоятельствахъ и условіяхъ гораздо менѣе тяжкихъ, чѣмъ китайскія. Ихъ не понимаютъ правильно, когда полагаютъ, что это народъ по природѣ косный и принципиально одряхлѣвшій, потому что судятъ о китайцахъ только по современному Китаю въ его внѣшнихъ проявленіяхъ, забывая, что народъ этотъ раньше европейцевъ изобрѣлъ не только письмо и бумагу, но и печать, что онъ противникъ войнъ, великій и передовой земледѣль, умѣющій обходиться безъ аристократическихъ

привилегій, почитающій мудрецовъ и лицъ ученыхъ, добродушный и вѣрный, изобрѣвшій и компасъ, и астрономическія счисленія, сумѣвшій самъ по себѣ хлопокъ превратить въ ткани, которыми мы пользуемся, открывшій искусство получать шелкъ отъ червяка, изобрѣвшій фарфоръ, давшій всѣмъ людямъ чай, нашедшій порохъ и т. д. Чтобы получить единственно правильное понятіе о Китаѣ, надо не забывать, что онъ и по сихъ поръ находится подъ манчжурскимъ игомъ, да вообразить, что произошло бы съ Россіей, еслибы татарскіе ханы, покоривъ Москву и Кіевъ, не откочевали бы въ завожскія степи, а сѣли бы въ Москвѣ или Кіевѣ, объединили бы всю, тогда разбитую на клочки, Россію въ одно сильное государство, приняли бы нашу вѣру, окрестили бы въ нес татаръ, предписали бы производить экзамены по старообрядческимъ книгамъ и Домострою и отдавали бы всѣ должности только тѣмъ татарамъ, которые хорошо выдержали экзаменъ по готовымъ требованіямъ, заключающимся въ этихъ книгахъ, да блюли бы интересы только свои татарскіе. Надо полагать, что въ этихъ условіяхъ не родились бы преобразователи, подобные Грозному, Годунову, Петру Алексѣвичу и его наслѣдникамъ, и мы были бы не то, что китайцы, а, вѣроятно, пониже ихъ, потому что за нами не было-бы вѣковъ изобрѣтательности и мудрости первоначальныхъ коренныхъ китайцевъ. Сходство было бы однако несомнѣнно въ томъ, что и мы возставали бы противъ пришельцевъ, какъ они бунтуютъ все время съ тѣхъ поръ, какъ монголы ихъ объединили и манчжуры ихъ еще больше обособили отъ всего міра. Большіе кулаки это въ сущности такіе же повстанцы противъ манчжурскаго ига, какъ бывшіе тайпинги и дунгане, только съ азіатской мудростью переведенные на озлобленіе противъ пришедшихъ варваровъ, что и послужило прекраснымъ способомъ дешево отдѣлаться отъ внутренней неурядицы. Этимъ объясняется и то, на первый взглядъ совершенно непонятное, явленіе 1900 года, что правительственныя китайскія войска, предводительствуемая обычно манчжурами, дѣйствовали то противъ Большихъ кулаковъ, то вмѣстѣ съ ними. По моему посильному мнѣнію, китайцы современные въ существѣ своемъ смирный, земледѣльчески трудолюбивый, торговый, промышленный и во всѣхъ отношеніяхъ весьма способный народъ, только лишенный

организационной способности и мало склонный къ воинскимъ приключеніямъ. Миѣ кажется затѣмъ, что сами они при всемъ избыткѣ народонаселенія, если куда и пойдутъ, то не къ намъ въ холодныя страны, а ужъ скорѣй въ такія теплыя мѣста, какъ Индія, Зондскіе острова, Австралія и т. п., не подобьютъ ихъ противу насъ и японцы, если не съумѣютъ въ томъ заинтересовать манчжурскихъ властителей, а въ этихъ послѣднихъ довольно прозорливости и расчетливости, чтобы рискнуть на дѣло, очертя голову, когда они видѣли отъ Россіи столько помощи, а отъ Японіи только набѣги. Не въ характерѣ китайца, какъ я его понимаю, бросаться въ военныя приключенія или поступать зря, какъ то свойственно по всей видимости именно японцамъ. Отношенія наши къ японцамъ совсѣмъ иного рода и сопряжены почти всегда съ непріятными воспоминаніями. Достаточно напомнить, какимъ измѣнническимъ маневромъ захватили японцы въ былыя времена нашего перваго къ нимъ посланца, капитана Головина, въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, и какимъ гадкимъ пріемомъ полицейскій рыцарь (самурай) Японіи сзади напалъ на Цесаревича, мирно осматривавшаго примѣчательности курьезнаго края, въ концѣ того же столѣтія. Для русскаго—коварство и японцы до нѣкоторой степени сливаются. Если вспомнить затѣмъ, что мы никогда не пытались затронуть этихъ островитянъ и даже радовались, что они начали пріобшаться къ европейской культурѣ, то станетъ понятнымъ большое недовольство, распространившееся у насъ, когда японцы выдумали вмѣшиваться въ наши отношенія къ китайцамъ, манчжурамъ и корейцамъ, а когда дѣло дошло до измѣнническаго начала военныхъ дѣйствій, невольно проснулось недоброе къ нимъ чувство. Конечно мы простимъ современемъ, быть можетъ, и имъ, какъ туркамъ, станемъ помогать со всѣмъ доброжелательствомъ, но такого отношенія, какъ къ китайцамъ или корейцамъ, манчжурамъ или монголомъ, конечно, никогда не будетъ въ Россіи, потому что мы ихъ не трогали, а они первые пошли на насъ и противъ нашихъ естественныхъ отношеній къ нашимъ сосѣдямъ по сушѣ. При томъ это и народъ совсѣмъ иной, чѣмъ китайцы, лишенный всякой оригинальности по существу, ничего не давшій міру, хотя и умѣющій ловко принимать заимствованные образцы. Если имъ тѣсно уже у себя, пускай

они отыщутъ себѣ свободные уголки, но только не рядомъ съ нами, которыхъ они не разъ коварно обманывали своими приемами.

Вотъ тѣ внѣшнія, какъ я ихъ назвалъ, причины, по которымъ Японская война отозвалась у насъ особенно пылкимъ, общимъ подъемомъ патріотическаго чувства. Но эти внѣшнія причины не все еще объясняютъ, ихъ однѣхъ, мнѣ кажется, недостаточно для пониманія того состоянія, въ которомъ мы находимся. На то есть причины временныя и внутреннія, чисто русскія, т. е. такія, по которымъ ко всякой войнѣ, вспыхнувшей около начала текушаго года, русскіе отнеслись бы съ большимъ порывомъ, чѣмъ въ другое время. Причина та опредѣляется напряженнымъ вниманіемъ, съ которымъ вся Россія ждала за послѣднее время чего то новаго, крупнаго, опредѣляющаго и передового. Люди, прожившіе царствованіе Императора Александра III-го, ясно сознавали, что тогда наступила извѣстная степень сдержанной сосредоточенности и собиранія силъ, направленныхъ отъ блестящихъ, даже яркихъ преобразованій и новшествъ предшествующаго, славнаго царствованія — къ простой обыденной мирной внутренней дѣятельности, особо относящейся до народной промышленности и до финансовъ, такъ какъ о нихъ предъ тѣмъ почти забыли, а они напомнили о себѣ давленіемъ извнѣ. Важнѣе всего, что тогда отъ нѣмцевъ мы повернули въ сближеніе къ французамъ, а въ дѣлахъ нашихъ финансовъ и промышленности сдѣлали чрезвычайно важные шаги, особенно благодаря прозорливости такихъ исполнителей, какъ бывшіе министры: И. А. Вышнеградскій и С. Ю. Витте. Нижегородская выставка, подведшая часть итоговъ прошлаго царствованія, задумана и рѣшена была Отцомъ, хотя и открылась только послѣ коронаціи Державнаго Сына, и Ему-же пришлось не только закончить Великую Сибирскую дорогу преимущественно на небывалые давно избытки въ финансовыхъ поступленіяхъ, но и совершить многознаменательнѣйшую реформу денежнаго обращенія, составляющую одну изъ основныхъ причинъ того, что намъ теперь не страшна съ финансовой точки зрѣнія никакая война, чего не бывало во все продолженіе XIX столѣтія. Съ отмѣной крѣпостничества, съ выкупомъ земель, съ устройствомъ гласнаго суда, всеобщей воинской повинности и земства Россія уже крупно выиграла

въ своемъ внутреннемъ бытѣ, а оттого и въ своемъ внѣшнемъ значеніи или достоинствѣ, установленномъ ея размѣрами и военными силами. Но ея современное положеніе во всемъ мірѣ не въ меньшей мѣрѣ опредѣляется несомнѣннымъ ростомъ ея промышленности, устройствомъ ея финансовъ, золотымъ обращеніемъ, союзомъ съ Франціею и явно—миролюбивыми тенденціями, составляющими несомнѣнные плоды прошлаго и текущаго царствованій, слившихся въ этихъ отношеніяхъ въ одно цѣлое. Отчасти явно отсталая, отчасти же безшабашная доля передовиковъ стала однако затѣмъ увѣрять, а простодушные и лишенные критическихъ способностей русскіе люди стали даже искренно вѣрить, что со всѣми этими успѣхами русскій народъ пошелъ назадъ, а не впередъ, что бѣдность наша растетъ, какъ и наша неурядица, что мы въ ходѣ нашего развитія, послѣ преобразованій 60-хъ и 70-хъ годовъ, стали отставать и что у насъ, для однихъ, надо развить аристократизмъ, усиливъ—и безъ того не слабое—дворянство, а для другихъ, наоборотъ, нантъ, и безъ того принципиально явный, демократизмъ, оставить въ сторонѣ всякій милитаризмъ и сосредоточиться исключительно на гражданскомъ нашемъ устройствѣ, отъ явныхъ недостатковъ котораго зависитъ—де вся наша бѣдность и умноженіе босйчества. Въ навѣтахъ тѣхъ если не запутался, то сталъ сильно запутываться здравый русскій умъ, а кто-то сталъ даже полагать, что Россія близка къ революціи. Напрасны тутъ увѣренія дѣйствительности въ противномъ, на мѣсто явныхъ фактовъ русскаго успѣха выставляются несомнѣнные факты русскихъ бѣдствій, забывая о томъ, что было ранѣе, и не обсуждая того, что было бы при современномъ положеніи вещей, если бы не было мѣропріятій двухъ послѣднихъ царствованій, и все требуя какихъ-то крупныхъ преобразованій, подобныхъ тѣмъ, какія совершилъ Александръ II-й, а какихъ—о томъ только шептались, кивая на Японію и всегда ссылаясь на дѣйствительно уже излишнія у насъ, по моему мнѣнію, стѣсненія печатнаго слова. Думая съ своей стороны, что военное время, вся современная напряженность благодушнаго русскаго духа, какъ и недавнія слова Царя, позволяютъ теперь больше и прямѣе говорить, чѣмъ было еще недавно, я не оставляю сказаннаго выше въ однихъ крупныхъ намекахъ и, рискуя говорить то, что на умѣ у массы здравомыслящихъ русскихъ людей, коснусь съ нѣко-

торую опредѣленностью тѣхъ фактовъ и намековъ, о которыхъ упомянулъ выше и которые особенно выяснились какъ разъ ко времени начала японской войны, то есть къ началу текущаго года. Не теперь, а въ слѣдующихъ статьяхъ предполагается мною говорить о всемъ этомъ съ тою подробностію, откровенностію и ясностію, съ какимъ взялся писать свои „Завѣтныя мысли“, но теперь же со всею возможною краткостью постараюсь придать полную опредѣленность своимъ утверждениямъ, чтобъ не могло быть тѣхъ основныхъ недоразумѣній, изъ за которыхъ чаще всего у насъ происходятъ огульныя сужденія и осужденія, зависящія зачастую отъ той ложной исходной мысли, что въ сложнѣйшемъ практическомъ дѣлѣ внутренняго устройства страны неизбѣжно необходимо и всего желательнѣе общее единомысліе по отношенію къ частностямъ, тогда какъ, по моему мнѣнію, тутъ возможна правильность только при выборѣ изъ ряда свободныхъ сужденій, хотя бы и далеко другъ съ другомъ несходныхъ. Мои сужденія не претендуютъ быть общими, хотя стремятся быть и правильными, и свободными, и приложимыми къ дѣлу.

Чтобы быть понятымъ—по существу—прежде всего мнѣ слѣдуетъ сказать, что съ своей стороны я понимаю совершенную необходимость въ гражданской жизни, какъ мѣръ рѣшительныхъ рѣзокъ, такъ и осторожно—постепенныхъ, или иначе—какъ революціонныхъ, такъ и эволюціонныхъ дѣйствій, какъ со стороны власти, такъ и со стороны общей массы, но эволюціоннымъ вліяніямъ придаю гораздо большее значеніе, чѣмъ революціоннымъ. Чтобы показать для людей, не освоившихся съ тѣмъ языкомъ, которымъ я заговорилъ, необходимость и смыслъ дѣйствій революціонныхъ, мнѣ кажется достаточно сказать, что освобожденіе крестьянъ я причисляю именно къ такимъ дѣйствіямъ, а польза отъ освобожденія крестьянъ бесспорно громадна. Что же касается до эволюціонныхъ дѣйствій, то для выясненія ихъ смысла достаточно сказать, что въ 60-хъ годахъ, когда самое слово „эволюція“ еще не было въ ходу, въ частномъ разговорѣ (то было въ Парижѣ, въ Café de la Regence) съ знаменитымъ уже тогда И. С. Тургеневымъ я развивалъ мысль о наибольшемъ значеніи ясно сознанныхъ и разумныхъ, но не рѣзкихъ и быстрыхъ, не крупныхъ по виду, но вліятельныхъ мѣръ и преобразованій; а мой знаменитый собесѣдникъ сказалъ: „такъ

вы, значитъ, постепеновецъ, и я тоже сталъ имъ, хотя былъ прежде инымъ". Мнѣ очень памятно это слово „постепенно—вещь“, и я думаю, что оно лучше, чѣмъ эволюціонистъ, выражаетъ сущность того образа мышленія, котораго, вмѣстѣ со многими другими, я придерживаюсь, потому именно, что въ самомъ понятіи о постепенности видны разумность, воля и несиѣшливое достиженіе цѣли, тогда какъ эволюція говоритъ только объ измѣненіи и послѣдовательности. Былъ и остаюсь „постепеновцемъ“, хотя и не думаю, что всегда надо держаться пословицы: „тише ѣдешь — дальше будешь“.

Затѣмъ самое главное и важнѣйшее, на мой взглядъ, рѣшить, побѣднѣлъ ли или нѣтъ, или же побогатѣлъ русскій народъ въ цѣломъ своемъ составѣ за время послѣднихъ двадцати трехъ лѣтъ, то-есть во время, протекшее съ кончины Императора Александра II-го? Сужденіе мое о томъ, что русскій народъ за это время въ цѣломъ много побогатѣлъ (какъ вообще, такъ и на одного, т. е. въ среднемъ), основано на рядѣ всяческихъ статистическихъ данныхъ, начиная съ чиселъ о милліардѣ мелкихъ народныхъ сбереженій, вложенныхъ въ сберегательныя (сохранныя) кассы, о числѣ выпущенныхъ акцій и облигацій, о запасахъ золота въ кладовыхъ государственнаго банка, о величинѣ торговыхъ оборотовъ, о количествѣ грузовъ, движущихся по желѣзнымъ дорогамъ и водянымъ путямъ, о цѣнности земель и услугъ и т. п. Все это выразиимо цифрами, но не привожу ихъ, потому что считаю достаточно извѣстными всѣмъ, только недостаточно принимаемыми во вниманіе. Откуда же, спрашивается, и въ частныхъ разговорахъ, и въ газетно-журнальныхъ статьяхъ столь часто, явно или въ темныхъ намекахъ, происходитъ утвержденіе, будто народъ нашъ явно началъ бѣднѣть? Помнѣ — отнюдь не отъ пустого верхоглядства или недовольства и тѣмъ паче не отъ одного злостнаго недоброжелательства, какъ утверждаютъ зачастую наши ярые охранители, а просто отъ того, что внутренне-политически народъ нашъ еще мало зрѣлъ и привыкъ всѣ главныя улучшения своего быта видѣть совершающимися сразу, мановеніемъ руки, какъ было ярче всего при Царяхъ московскихъ, при Петрѣ Великомъ и въ послѣдокъ — въ дѣяніяхъ Александра II-го, все же то, что сдѣлалось въ послѣднее двадцатилѣтіе, происходило понемногу, путемъ не тѣмъ скорымъ, который

выше были названъ революціоннымъ, а постепенно, не вдругъ, способами эволюціи, безъ рѣзкой ломки стараго, созидая лишь новое на основаніи даннаго. Особенно это касается до всего промышленно-торговаго и денежнаго. Дѣла эти никакъ и не могутъ имѣть шумнаго революціоннаго характера, то-есть течъ быстро, а могутъ происходить только понемногу, безъ важныхъ переворотовъ, постепенно. Да и шли они большею частію за то время порывистыми скачками подъ вліяніемъ временнаго проясненія мыслей и не безъ порывовъ бросить намѣченные пути, во всякомъ же случаѣ безъ должнаго объясненія твердости новыхъ исходныхъ началъ, съ большой и явной разногласицей изъ разрозненныхъ центровъ. Особенно это относится до дѣлъ промышленности и торговли, которыя очевидно должны: 1) занять со времени освобожденія крестьянъ и съ введеніемъ первыхъ сельскохозяйственныхъ улучшеній—много, много рукъ освобожденнаго народа; 2) перестроить много прежнихъ отношеній чисто сельскохозяйственнаго, или начального быта; 3) перемѣстить центры тяжести многихъ внутреннихъ соотношеній прежняго быта; 4) занять людей не столько страднымъ трудомъ, сколько настойчиво-постояннымъ, требующимъ подготовки, внимательнымъ и, надо сознаться, мало привычнымъ нашему народу и 5) увеличивать все больше и больше общій и средній трудъ и достатокъ, на основаніи разработки неисчѣпныхъ запасовъ, данныхъ намъ природою. Вести по этому пути безспорно трудно, но начала положены хорошія, и пришло время, когда и тутъ нужны стали мѣры, хотя и постепенскія, но ясно, твердо и безповоротно обозначенныя, тянулась же какая то канитель неясностей и нерѣшительности. Привыкъ же народъ къ вліяніямъ и мѣрамъ инымъ, а на такія мелочи, какъ небольшія перемѣны въ величинѣ таможенныхъ пошлинъ, измѣнчивость или постоянство денежнаго курса рубля, на изобиліе или отсутствіе звонкой монеты — и вниманія обращать почти не хотѣлъ. Шуму и блеску не было, совершались же дѣла важныя и трудныя, а думали и стали утверждать, что послѣ эпохи преобразованій — ничевохонько не дѣлается полезнаго. Чтобы хоть въ одномъ примѣрѣ указать разность нынѣшняго отъ прошлаго, достаточно вообразить—что бы произошло со всѣми нашими денежными оборотами при объявленіи японской войны, если

бы не было мѣропріятій времянъ Александра III-го и Николая II-го. Въ эти два царствованія, больше чѣмъ когда нибудь ранѣе, стали всемѣрно на государственныя средства по возможности ослабляться бѣдствія временныхъ и мѣстныхъ голодовокъ, всегда и во всемъ мѣрѣ (даже въ тропической Индіи) сопровождающихъ тотъ начальный или земледѣльческій бытъ, который остался отъ эпохи преобразованій и еще по нынѣ считается у насъ наилучше могущимъ обезпечить народъ отъ бѣдности, но который въ дѣйствительности составляетъ только первую или начальную ступень въ развитіи общаго благосостоянія, а потому и силы государствъ, ихъ порядка и возможнаго общаго благоденствія. Современные голодовки выставляли на видъ, а про прежде чаще бывавшія у насъ голодовки, сопровождавшіяся несравненно большими бѣдствіями, многіе говоруны или попризабыли, или даже повидимому не знали. Последнее должно полагать справедливымъ особенно по той причинѣ, что единственный способъ, которымъ многіе государства Европы избавились отъ бѣдствій возобновлявшихся голодовокъ, и достигли быстрого роста благосостоянія жителей, состоитъ именно въ доставленіи—на развивающихся разнородныхъ видахъ промышленности и торговли—средствъ для правильнаго движенія впередъ на пути преуспѣянія, а объ этомъ самомъ и стали болѣе и дѣятельнѣе всего заботиться именно въ послѣднія десятилѣтія, благодаря настойчивости родителя нынѣ царствующаго Императора. „Босяки“, тщетно ищущіе прочныхъ заработковъ, но всегда бывшіе на Руси, безъ всякаго сомнѣнія, за послѣднія десятилѣтія сильно у насъ умножились, по причинѣ небывало большого прироста народонаселенія, еще малаго развитія переселенія на свободныя земли ¹⁾ и поздно

¹⁾ Чтобы достаточно оцѣнить важное значеніе тѣхъ спокойно-степеновскихъ мѣропріятій, которыя пущены въ нашу жизнь преимущественно волю Императора Александра III-го, не должно забывать, что вопросъ о переселеніи крестьянъ еще во времена его предшественника относился прямо къ числу запрещенныхъ. Мнѣ самому пришлось тогда это лично узнать, когда я написалъ для Сѣзда Естествениспытателей статью, касающуюся необходимости описанія почвенныхъ и климатическихъ условій мѣстъ пустынныхъ, но пригодныхъ для предстоящихъ переселеній, и мнѣ едва-едва, послѣ многихъ хлопотъ, удалось убѣдить е. п. г. Макова, управлявшаго въ то время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ полной благонамѣренности заблаго-

начавшагося роста промышленности и всякой предприимчивости, дающихъ этимъ босякамъ прочный заработокъ, а странѣ новые виды богатствъ, предметовъ торговли и общаго достатка. По мнѣнію немалого числа нашихъ знахарей, тутъ видно только паденіе „исконнаго“ нашего промысла—хлѣбопашества и необходимы только всемѣрные заботы о земледѣльческомъ ростѣ страны. Учрежденіе „Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскаго хозяйства“ косвенно одобрило такихъ людей и о „злѣ промышленнаго покровительства“ стали говорить не одни крупные землевладѣльцы, но всюду, гдѣ говорилось о предстоящихъ Россіи дальнѣйшихъ преобразованіяхъ. Наступившая сбивчивость понятій объ главной цѣли—общемъ благѣ народа—выяснилась при сиростѣ мнѣнія мѣстныхъ Комитетовъ.

При этомъ считаю излишнимъ повторить (подробнѣе это говорилъ уже ранѣе, въ первыхъ главахъ моихъ „Завѣтныхъ мыслей“), что большинство забывало или правильнѣе не понимало, что земледѣліе, послѣ нѣкотораго истощенія, въ коренной Россіи уже наставшаго, для своего правильнаго, усиленнаго и выгоднаго роста (на площадяхъ, давно распахиваемыхъ) требуетъ капиталовъ—несравненно большихъ, чѣмъ учрежденіе вновь совокупности другихъ видовъ промышленности,

временной статьи объ изслѣдованіи пригодныхъ азіатскихъ нашихъ пустынь, лѣсовъ и степей для предстоящаго расселенія крестьянъ. Въ два послѣднихъ царствованія сами переселенія, не то что подготовительный разговоръ о нихъ, стали—безъ шума и постепенно—дѣлаться живыми и плодотворными, а Великій Сибирскій путь сдѣлалъ возможнымъ осуществлять ихъ и съ легкостію, далеко превосходящею все, что было прежде того. Число и свойства „босяковъ“ были бы теперь не тѣ, какіе видимъ, а громадой, требующей рѣзкихъ мѣръ особаго свойства, если бы не позаботились ни объ организаціи переселенческаго движенія, ни объ новомъ оживленіи многихъ горныхъ, промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ, ни о скоромъ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ и т. п., что превратило цѣлыя милліоны того народа, который даетъ „босяковъ“, въ людей, живущихъ не менѣе обезпеченно, чѣмъ наши земледѣльцы. Постепеновскія мѣры, будучи безшумными, однако, имѣютъ свою особенность, состоящую въ необходимости безпрерывнаго изученія, исправленія и продолженія; ихъ нельзя прекращать, какъ необходимо—ради самосохраненія—дѣлать то съ шумными мѣрами того свойства, которое принадлежитъ мѣропріятіямъ, названнымъ мною революціонными, имѣющими при томъ свойство быть трудно исправляемыми на практикѣ.

а даетъ заработки — при своемъ надлежащемъ усовершенствованіи — гораздо меньшему числу жителей, чѣмъ другіе виды промышленности, при томъ же размѣрѣ вновь затраченныхъ капиталовъ, что избытокъ въ производствѣ хлѣбныхъ товаровъ сильнѣе роняетъ ихъ продажную цѣну (а поэтому и заработки), чѣмъ избытки въ производствѣ почти всѣхъ важнѣйшихъ иныхъ товаровъ (какъ напр. уголь, желѣзо, ткани и т. п.), потому что потребление на душу этихъ послѣднихъ быстро возростаеъ по мѣрѣ удешевленія стоимости производства и торговой цѣны, а для хлѣбовъ лишь пропорціонально числу людей, что надлежащее современное развитіе земледѣлія возможно только рядомъ съ развитіемъ другихъ видовъ промышленности, требующихъ продуктовъ, не терпящихъ далекой перевозки, доставляющихъ машины, удобренія и близкихъ потребителей, что земледѣліе, особенно у насъ, даетъ лишь на короткія недѣли много труда, не обезпечивая никакимъ заработкомъ наибольшую часть года и т. д.

Уже изъ того, что достатокъ сталъ переходить изъ прежнихъ землевладѣльческихъ рукъ въ разныя новыя, особенно къ инженерамъ и промышленникамъ, уже изъ того, что ученіе стало требоваться въ небывалыхъ до сихъ поръ размѣрахъ и стали искать жизненнаго, а не одного словеснаго или литературнаго образованія, уже изъ того, какіе сюжеты стали описывать и читать — видно стало явное наступленіе какого то особеннаго перелома, въ сущности составляющаго естественное послѣдствіе преобразовательной эпохи, послѣдовавшей за Севастопольской войною. Когда вспыхнула японская война, напряженное ожиданіе какого-либо выясненія разнорѣчій отъ городского населенія начало уже переходить въ сельское и стало принимать острый характеръ — жгучаго вопроса. Ожиданіе было совершенно естественнымъ и по существу благодушнымъ, неестественно же было подозрѣвать въ этомъ ожидательномъ состояніи какую то крамолу, что то грозящее правильному теченію дѣлъ, и только люди, совершенно незнающіе Россіи, могли думать, что наступившее ожиданіе можетъ дать поводъ къ существеннымъ внутреннимъ безпорядкамъ, какъ о томъ писалось, однако, не разъ въ заграничныхъ газетахъ и говорилось въ нѣкоторыхъ будирующихъ у насъ кружкахъ и во многихъ праздно-

болтающихъ нашихъ сферахъ—только отъ скуки и рисовки. Мнѣ думается, что въ Англіи и С. А. С. Штатахъ худо и мало освѣдомленные люди, а отъ нихъ заправилы Японіи, полагали именно такъ, что малѣйшій внѣшній толчекъ теперь — дескать повредитъ Россіи болѣе, чѣмъ когда либо ранѣе, потому что этимъ воспользуются недовольные внутри страны, и я полагаю, что всѣмъ очевидный общій русскій патріотическій порывъ, по поводу столь внезапной японской войны, сдѣлалъ ясною ошибочность скороспѣлыхъ сужденій о состояніи внутреннихъ русскихъ порядковъ и убѣжденій. Каждый русскій, начиная отъ Царя, судя по его манифестамъ, знаетъ, что у насъ еще многое не въ должномъ порядкѣ, что во многихъ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ настоятельно нужны прогрессивныя, то есть улучшающіе реформы но большинство вѣрить въ то, что придутъ онѣ нынѣ—лишь медленно, что онѣ могутъ придти въ свое время и сразу или быстро, а что такое время у насъ чаще всего тѣсно связывается съ нашими внѣшними войнами. Здравый русскій умъ весь характеръ народа и вся его исторія показали ему, что войны для насъ составляютъ своего рода революціонную передрыгу, освѣжающую весь воздухъ страны и духъ ея правителей, а за войнами слѣдуютъ почти всегда новые внутренніе успѣхи и преобразованія. Эти послѣднія по русскому упованію неизбѣжно послѣдуютъ съ концомъ современной японской войны, потому уже, что она, надѣюсь, открыла всѣмъ глаза на необходимость быть намъ готовыми къ еще многимъ войнамъ въ недалекомъ будущемъ, а готовымъ можно быть нынѣ только внутренно-благоустроенному государству, съ обезпеченными условіями роста всего общаго благосостоянія. Необходимость же недалеко — предстоящаго напора на насъ съ разныхъ сторонъ видна — по мнѣ—уже изъ того, что у насъ на cadaго жителя, какъ показано выше, приходится въ два раза болѣе земли, чѣмъ для всего остальнаго человечества (слишкомъ 15,7 гектаровъ на душу въ Россіи и 7,7 въ остальномъ мірѣ), если же принять во вниманіе лишь нашихъ непосредственныхъ сосѣдей, то еще въ большей пропорціи.

	Поверх- ность въ милліонахъ гектаровъ:	Число мил- ліоновъ жи- телей:	На одного жителя приходится гек- таровъ земли:
Швеція и Норвегія . . .	77	7,4	около 10,4
Германія	55	56,4	„ 1,0
Австро-Венгрія	68	45,5	„ 1,5
Румынія, Сербія и Болгарія	28	12,4	„ 2,3
Европ. и Аз. Турція . .	194	23,2	„ 8,5
Персія	164	9,0	„ 18,2
Афганистанъ	62	4,6	„ 13,5
Китай (съ пустынями Монголіи)	1114	426,5	„ 2,6
Корея ¹⁾	22	9,7	„ 2,3
Японія	42	46,5	„ 0,9
С.-А. С. Штаты	981	85,6	„ 11,5
Всего	2807	726,8	„ 3,9

Выходитъ, что близкая къ нашей свобода разселенія существуетъ изъ нашихъ сосѣдей — у персовъ, афганцевъ, сѣв.-американцевъ, шведовъ, норвежцевъ и турокъ, а у нѣмцевъ и японцевъ тѣсноты разъ въ 15 — 17 болѣе, чѣмъ въ Россіи.

Въ общемъ же цѣломъ у насъ раза въ четыре свободнѣе, чѣмъ у совокупности всѣхъ нашихъ сосѣдей. Войны же (какъ и переселенія) ведутъ прежде всего изъ-за обладанія землею, то есть чаще всего сообразно съ тѣснотою насе-

¹⁾ Въ Корей, принимая во вниманіе гористость не малой ея части, безъ японцевъ уже тѣсновато, тамъ нельзя давать привычныхъ для Сибири, а особенно для казаковъ, надѣловъ, а потому даже при благоприятѣйшемъ для насъ исходѣ войны, кажется, что туда не для чего намъ садиться; довольно такихъ же отношеній, какъ къ Хивѣ и Бухарѣ, да занятія двухъ, трехъ, подходящихъ для крѣпостей, острововъ — съ хорошимъ портомъ. Прибавлю здѣсь попутно, что по моему мнѣнію на побережьяхъ Тихаго Океана намъ совершенно неизбѣжно, ничуть не отлагая и не жалья денегъ, прежде всего заводить все необходимое свое для устройства кораблей, начиная съ каменно-угольныхъ коней, чугуно-плавильныхъ доменныхъ печей, передѣлочныхъ заводовъ и верфей, зная, что люди придутъ сами, лишь были бы дѣла и заработки вѣрные. Заказы кораблей въ другихъ странахъ также намъ, въ концѣ концовъ, убыточны, какъ заказы за границею рельсовъ и вагоновъ. Одно одолѣли — сплoжемъ и другое. Край то и оживеть. Окраины болѣе нужны для центра, чѣмъ многіе полагаютъ.

нія. Такъ вѣтеръ идетъ изъ мѣстъ большого давленія въ мѣста съ меньшимъ давленіемъ. У Японіи тѣсноты больше, чѣмъ у всѣхъ нашихъ сосѣдей. Она и начала. На насъ пока еще мало напираютъ, потому что есть Южная Америка, Австралія и главное—Африка со своими пустынями и рѣдкимъ, котораго европейцы не боятся ни теперь, ни впродъ, чернымъ населеніемъ, но, въ статьѣ о народонаселеніи („Завѣтныя мысли“, глава 2-я), уже показано, что приростъ населенія нынѣ—это за послѣднее лишь время—такъ великъ (много, много сильнѣе, чѣмъ за былые вѣка, какъ доказано тамъ же численно), что еще чрезъ какія нибудь сто, много двѣсти лѣтъ, во всемъ мірѣ въ среднемъ будетъ столь же тѣсно, какъ теперь въ Германіи, а кругомъ насъ и очень ужъ тѣсно. Поэтому-то намъ загодя надо, во-первыхъ, устраивать такъ свои достатки и всѣ внутренніе порядки, всю частную свою жизнь, чтобы размножаться быстрѣе своихъ сосѣдей и всего чело-вѣчества, что мы теперь, т. е. въ послѣднія десятилѣтія—съ успѣхомъ и выполняли (см. тамъ-же), а во-вторыхъ, намъ необходимо помимо всего быть на чеку, не расплываться въ миролюбіи, быть готовыми встрѣтить внѣшній напоръ, то-есть быть страною, быстро возвышающею свои достатки всемірно (какъ земледѣльцы, какъ промышленники и какъ торговцы), пользующеюся богатствами и условіями своей земли, блюдушею внутренній свой порядокъ и внѣшній миръ, и въ то же время страною, всегда готовою къ отпору всякому на насъ посягательству, то есть страною прежде всего военною, какъ это прозорливо поняли наши Императоры. Грозными намъ надо быть въ войнѣ, въ отпорѣ натисковъ на нашу ширь, на нашу кормилицу-землю, позволяющую быстро размножаться, а при временныхъ перерывахъ войнъ—ничуть не отлагая, улучшать внутренніе порядки, чтобы къ каждой новой защитѣ являться и съ новой бодростью, и съ новымъ сильнымъ приростомъ военныхъ защитниковъ и мирныхъ тружениковъ, несущихъ свои избытки въ общее дѣло. Разрозненныхъ насъ—сразу уничтожать, наша сила въ единствѣ, воинствѣ, благодушной семейственности, умножающей приростъ народа, да въ естественномъ ростѣ нашего внутренняго богатства и миролюбія. Японскій парламентъ одобрилъ рѣшимость своего правительства—воевать съ Россією, а мы и безъ парламента, явно для всего міра, всемірно

одобряемъ свое правительство вести эту и всякую оборонительную войну, зная, что такъ надо не только для минуты, но и для предстоящаго намъ будущаго.. Все говорить, что мы дружно, спокойно и бодро пошли на вызовъ враговъ, такъ пойдемъ, Богъ дастъ, и завсегда, несмотря ни на какіе намъ ясно видимые внутренніе недочеты. Не просто по одному инстинкту самозащиты, а по суммѣ общихъ впечатлѣній—такія, по моему мнѣнію, сложились убѣжденія у главной, страшно преобладающей массы молодого русскаго народа, взглянувшаго на японскую войну, какъ на начало предстоящей эпохи, когда будутъ повторяться внѣшнія натиски на занятую нами землю и станутъ въ промежуткахъ еще и еще улучшаться внутренніе наши порядки. Такъ, полагаю я, полунинстинктивно думаетъ молодой нашъ народъ, а мнѣ, старику, хочется объяснить это внутреннее наше состояніе не впечатлѣніями минуты, а сложившимися условіями, подлежащими мѣрѣ и вѣсу, такъ какъ мнѣ, и на старости лѣтъ, приходится стоять у дѣла мѣрѣ и вѣсовѣ. Числамъ можно многое довѣрить, потому что ихъ можно провѣрить, а они показываютъ, что на насъ должны напирать, отпоръ же давать нельзя — неустроенной внутри странѣ. Мнѣ ужъ поздно воевать, глядя въ могилу, но въ виду ея еще есть довольно силъ, чтобы говорить объ устройствѣ внутренняго быта, для чего и пишутся мои „Завѣтныя мысли“, и я полагаю, что чѣмъ проще, откровеннѣе и сознательнѣе станутъ русскія рѣчи, тѣмъ бодрѣе будутъ наши шаги впередъ, тѣмъ дольше будутъ длиться мирные промежутки между оборонительными войнами, намъ предстоящими, тѣмъ меньше на западѣ, востоцѣ и югѣ будутъ кичиться передъ нами и тѣмъ болѣе выиграетъ наше внутреннее единство, страдающее болѣе всего отъ того, что „бѣснуясь въ метафизическихъ мышленіяхъ“, наши передовики часто забываютъ вносить надлежащую сознательность въ народную увѣренность о правильности своеобразныхъ основныхъ началъ, завѣщанныхъ намъ всѣмъ прошлымъ и открывающихъ благіе виды на предстоящее. Оставляя врагамъ мысль о пользѣ для нихъ нашихъ внутреннихъ разнорѣчій, мы показываемъ міру наше единодушіе въ порывѣ общаго чувства, когда японцы подали къ тому прямой поводъ, и я убѣжденъ, что это наше единодушіе не менѣе нашихъ штыковъ и пуль—сдерживаетъ натиски нашихъ враговъ.

Задумавъ писать свои „Завѣтныя мысли“, я вовсе не хотѣлъ говорить о внѣшнихъ войнахъ; своимъ наступленіемъ японская война до нѣкоторой степени прервала намѣченную нить статей о внутреннемъ нашемъ строѣ, какъ счастливо удавшаяся операція (сдѣланная профессоромъ І. В. Костеничемъ), возвратившая полуутраченное зрѣніе, прервала наступившее по мнѣ отношеніе къ внѣшнему міру. Угасавшіе глаза заставляли углубиться внутрь и изложить завѣты, внушенные протекшею жизнію; теперь физическій глазъ открылся, войны внѣшнія увидѣлъ, но даже въ смыслѣ ихъ успѣшнаго теченія—еще больше выступила надобность улучшеній внутренняго быта, особенно въ областяхъ народнаго образованія и развитія производительныхъ силъ страны, что немислимо для меня, съ одной стороны, безъ сохраненія историческихъ нашихъ основныхъ началъ, а съ другой — безъ усовершенствованія всей сложной машины самодержавнаго управленія столь обширною страной, какова борющаяся теперь съ Японіею—Россія. Мои мысли всегда были „постепеновскими“, таковы конечно и всѣ „Завѣтныя“, войны же носятъ характеръ временный, преходящій, глубоко отличный отъ эволюціоннаго и названный выше революціоннымъ, а потому мнѣ слѣдуетъ кончить эту статью, пожелавъ Россіи успѣха въ отпорѣ натиска, въ самостоятельности условий предстоящаго мирнаго соглашенія и въ необходимыхъ внутреннихъ преобразованіяхъ, а Японіи — сверхъ милости русскаго Царя — возрожденія разумности и осторожности, безъ которыхъ можно потерять не только пріобрѣтенное положеніе въ мірѣ, но даже и Формозу, могущую опять годиться Китаю—замѣсто части Манчжуріи. Хотя поверхность Манчжуріи (94 милл. гектаровъ) велика, вдвое болѣе, чѣмъ всей Японіи, но жителей (около 8,5 милл.) въ ней мало, такъ что на каждого приходится около 11,6 гектаровъ, а это отъ нашего не далеко; туда то, а не въ Корею, хотятъ попасть наши теперешніе враги. На Формозѣ же (поверхность 3,5 милл. гектаровъ, жителей 2,7 милл.) тѣсно (1,3 гектара на жителя), такъ что она, какъ и Корея, мало подходитъ для избытковъ японскаго народонаселенія.

Мартъ 1904 года.

Когда была кончена предшествующая статья, и я прочелъ ее нѣкоторымъ изъ своихъ друзей, многіе изъ нихъ выразили сожалѣніе о томъ, что въ ней ничего не говорится о возможномъ концѣ войны, то есть правильнѣе сказать о томъ, чего можно требовать отъ Японіи послѣ благопріятнаго для насъ исхода войны, въ которомъ *никто не сомнѣвается*. Хотя мнѣ понятна вся рискованность отвѣта на предлагаемый вопросъ о „дѣлѣ шкуры“, тѣмъ не менѣе я его стараюсь высказать съ полной опредѣленностью, по той причинѣ, что при этомъ можно выразить одну изъ завѣтнѣйшихъ моихъ мыслей, состоящую въ томъ, что разнообразіе народовъ, странъ, государствъ, религій и т. п. отношеній вполне необходимо еще нынѣ для правильнаго теченія всего дальнѣйшаго прогресса человѣчества. Не одному мнѣ, а вѣроятно, не малому числу лицъ приходилось слышать завистливыя рѣчи по отношенію къ всемірному могуществу и господству Англіи на всѣхъ моряхъ и такое вождѣленіе, по которому Россіи будто бы суждено пріобрѣсти на старомъ материкѣ такое же господство. Моему уму совершенно чужды подобнаго рода соображенія, прежде всего уже потому, что я не могу ни коимъ образомъ сравнивать расширеніе Великобританіи, особенно въ Индіи, съ расширеніемъ Россіи, особенно въ ея Азіатскихъ областяхъ. Одно основано на нарочитомъ желаніи покорять, имѣть у себя въ рукахъ потребителей для избытковъ произведеній метрополіи, а другое вынуждено историческими событіями, болѣе или менѣе побочными, не имѣетъ никакого отношенія къ производительности Россіи и клонится къ тому, чтобы народы, вошедшія въ ея составъ, постепенно слились съ ея кореннымъ населеніемъ. Англійскіе захваты во всѣхъ концахъ міра хотя не прямо, но вполне отвѣчаютъ тѣмъ соображеніямъ, которыя подвигали Александровъ Македонскихъ и Наполеоновъ I сдѣлаться всемірными обладателями, а наши очень далеки отъ подобныхъ классическихъ мечтаній, стремящихся при помощи матеріальнаго господства снивеллировать весь міръ. На основаніи такого сужденія я бы желалъ, чтобы японцы, какъ китайцы, жители Индіи или даже негры, развивались совершенно самостоятельно, безъ прямого нашего вмѣшательства, такъ какъ у насъ и безъ нихъ довольно дѣла внутренняго на занятой площади земли. Пусть окажется, напримѣръ, вслѣдствіе упорства японцевъ, надобность

занять ихъ страну, начиная операцію этого рода съ Сахалина, все же послѣ войны намъ нѣтъ никакого повода и никакой разумной причины не только покорять Японію, но и дѣлать ее въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ отъ насъ зависящею. Это потому, что мы не можемъ ассимилировать такой большой народъ, какъ японцы, такъ какъ имъ и самимъ очень тѣсно, а намъ въ ихъ условіяхъ, съ нашими привычками къ шири, жить невозможно. Почти то-же хотѣлось бы мнѣ сказать и по отношенію къ Корей, т. е. я бы не желалъ, чтобы Россія добровольно сама собой заняла эту страну, если она сама не пожелаетъ войти въ нашъ составъ. Все территоріальное, что по моему мнѣнію желательно достигъ въ концѣ концовъ послѣ успѣшнаго окончанія Японской войны, сводится къ пріобрѣтенію занятой уже нами части Манчжуріи, по которой проходитъ путь къ Портъ-Артуру. А такъ какъ Манчжурія страна Китайская, то вознагражденіе за нее желательно достигъ соответственными уступками со стороны Японіи для Китая. Будетъ ли это вознагражденіе состоять изъ Формозы, возвращаемой Китаю, или изъ передачи этому послѣднему части Японскаго флота или въ чемъ либо другомъ, мнѣ нѣтъ никакого до этого дѣла. Японія начала войну, она если ее потеряетъ, должна и платиться за нее. Здѣсь, однако, встаетъ коренной вопросъ о томъ, что мы и безъ войны уже заняли съ согласія Китая часть, принадлежащей ему Манчжуріи, а потому можетъ казаться, что закрѣпленіе за нами Манчжуріи послѣдуетъ само собой и не можетъ составлять нашего трофея побѣды, если таковая будетъ. Что за выгода и что за вознагражденіе военныхъ убытковъ въ пріобрѣтеніи того, что фактически уже считается за нами?—спросятъ, вѣроятно, очень многіе, проникнутые той совокупностью мыслей, которая господствуетъ въ настоящее время всюду. Мой отвѣтъ на такой вопросъ касается тѣхъ началъ, которыя проникаютъ всю нашу исторію, по моему крайнему разумѣнію. Наши усилія болѣе всего содѣйствовали освобожденію,—почти сто лѣтъ тому назадъ—Германи, Австріи, Италіи и другихъ странъ западной Европы отъ гегемоніи Наполеона, вовсе безъ прямой цѣли что либо завоевывать. Тоже мы сдѣлали, содѣйствуя освобожденію Румыніи, Сербіи, Болгаріи, Герцоговины и др. отъ Турецкаго господства, да и Китаю мы помогли временнымъ занятіемъ Кульджи,

не по англійскому рецепту, возвративъ ее Китаю. Наши начала иные, и въ ихъ то смыслѣ мнѣ кажется, послѣ самаго успѣшнаго окончанія Японской войны, лучше всего ничего себѣ не брать (конечно, не считая контрибуціи), кромѣ того, что у насъ находится въ рукахъ уже сейчасъ и что намъ нужно для выполненія нашихъ историческихъ задачъ, часть которыхъ безъ сомнѣнія лежитъ въ развитіи нашего Дальняго Востока, прилегающаго къ Великому океану. Этимъ путемъ, какъ успѣшнымъ окончаніемъ войнъ съ Наполеономъ и Турціей, мы поддержимъ обаяніе нашего имени въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ подражая въ какомъ бы то ни было видѣ Англичанамъ, особенно же по отношенію ко всей Азіи, въ которой наша роль должна остаться освободительною и просвѣтительною.

Пусть война, изъ за упрямства японцевъ, затянется, мы вытерпимъ ея тяготы, теперь при запасахъ, собранныхъ усиліями послѣднихъ царствованій, если могли вынести почти трехлѣтнюю войну 1812—1814 год. Все, что извѣстно объ Японіи, напротивъ того, показываетъ, что ей долго терпѣть жестокую войну не по силамъ. Бояться намъ нужно только рановременнаго окончанія войны, вмѣшательства посредниковъ и своего благодушія, которое можетъ спѣшливо пойти на миръ, если насъ о немъ попросятъ, оставляя намъ лишь Манчурію, а Корею предоставляя Японіи. Но до этого, Богъ дастъ, не дойдетъ, не только потому, что мы довольно научены прежнимъ опытомъ, въ родѣ Берлинскаго конгресса, но и потому, что кичливость Японіи не позволяетъ думать, что она сама скоро попроситъ о мирѣ. Съ формальной стороны для заключенія благопріятныхъ для насъ условій мира, кажется, слѣдовало бы принять во вниманіе даже и то обстоятельство, что Корея, допустивъ оккупацию Японією, сама отдалась въ руки судьбамъ войны. Если мы при этомъ поступимъ великодушно съ Кореею, оставивъ ей независимость, на мой взглядъ, мы покажемъ небывалый въ исторіи образецъ, лучше всякихъ дипломатическихъ нотъ раскроемъ глаза всему свѣту на задачи, которыя мы преслѣдуемъ, и намъ будетъ спокойнѣе за будущее, чѣмъ многимъ другимъ народамъ. Пожелаемъ же нашимъ войскамъ побѣдъ, а нашей дипломатіи — прозорливости.

10 Апр. 1904 года.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26-го Апрѣля 1904 г.